

Православная воскресная школа и проблема интеграции

См.: «Мир Православия». – 2001. - № 1 (34) и № 2 (35)

Православная воскресная школа – это система дополнительного религиозного образования, основной целью которого является формирование христианского мировоззрения. Скажем конкретнее: православного мировоззрения, понимая под Православием консервативное направление в христианстве, в смысле: **бережно сохраняющее апостольское Предание в чистоте, не допуская чуждых примесей или утрат.**

В приходских воскресных школах мы наблюдаем картину аналогичную процессу ликвидации безграмотности, проходившему под лозунгом «учиться никогда не поздно». Занятия посещают самые разные возрастные категории, от дошкольников до людей преклонных лет. Дети получают твердую почву для духовно-нравственного развития, для формирования своей личности (свободной во Христе личности), а взрослые находят ответы на смущающие и волнующие их вопросы, переосмысливают свои отношения с ближними, освобождаются от предрассудков (в том числе и относительно роли Православия в Эстонии – прошлое, настоящее и будущее).

Последнее очень актуально ввиду того, что в обыденном сознании существует некий стереотип, что в Эстонии Православие ощущимо диссонирует с доминирующим прозападным либеральным менталитетом, как в силу своей внутренней консервативности, так и потому, что Православие считается традиционным только для восточно- и южно-европейских народов. Не говоря уже, что в том же обыденном сознании это – «vene usk» – «русская вера» – стереотип, который не вытравить никакими сменами юрисдикций. К тому же, говоря о канонической принадлежности, нельзя не обратить внимания, что понятие «Православие в Эстонии» окрашено в диссидентские тона, так как лишь крошечная часть от всех православных, проживающих в этой стране, являются членами приходов, имеющих законную регистрацию – те, кто перешли в каноническое подчинение Константинопольского Патриархата. Подавляющее же большинство православных по-прежнему признает своим духовным центром Московский Патриархат, и уже семь лет существуют лишь *de facto*, а юридически никак*.

Другая специфическая черта православной воскресной школы в Эстонии связана с тем, что большинство православных людей в этой стране либо не имеют никакого гражданства вообще (так называемые «серые паспорта» и илегалы), либо это граждане Российской Федерации, что опять же, уверенности в завтрашнем дне им не прибавляет. В данной ситуации воскресная школа как раз и помогает человеку обрести «почву под ногами», в том

* Более чем восьмилетний конфликт между Эстонской Православной Церковью Московского Патриархата и Правительством Эстонской Республики, который был спровоцирован политическими авантюристами, грубо поправшими нормы церковного и гражданского права, был преодолен через год после публикации этой статьи: в первой половине 2002 г. ЭПЦ МП была зарегистрирована.

смысле, что, усваивая христианское мировоззрение, люди обретают устойчивую систему нравственных ценностей, не позволяющую малодушествовать. Те же, кто склонен к озлобленной замкнутости, отчужденности от происходящих общественных процессов, такие постепенно «оттаивают», потому что приучаются не осуждать, не держать обиду, не питать недобрых помышлений, учатся понимать других, в том числе и чужих, и даже тех, от кого приходится терпеть притеснения.

В сложившихся условиях, когда в Эстонии большинство православных Промыслом Божиим оказались на положении пришельцев, уместно вспомнить слова апостола Павла, в послании к Евреям приводящего в пример славных ветхозаветных праведников, которые «говорили о себе, что они **странники и пришельцы** на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут **отечества**... Они стремились к лучшему, то есть к **небесному**» (Евр.11; 13-16)... Вот это понятие о «**небесном Отечестве**» красной нитью проходит сквозь все Священное Писание и является краеугольным камнем христианского мировоззрения, которое рассматривает человека как духовно-телесное существо, образ и подобие Божие. Человек не может удовлетвориться никакими земными благами, он «неодолимо религиозен», и если не находит истинного Бога, то обращает свой религиозный инстинкт на предметы мира сего – славу, власть, богатство; он создает культ личности, нации, или гипертрофирует всевозможные плотские страсти. **Тем самым он попирает свое истинное человеческое достоинство.**

Но лишь **тогда** человек свое достоинство осуществляет, когда актуализирует свое небесное происхождение, когда стремится к воссоединению с Отцом Небесным, когда все его окружающее земное ценит «постольку – поскольку», как то, что лишь временно дано ему в пользование. Он утверждает в своем достоинстве, когда ничто земное не воспринимает в качестве **конечной цели** своих стремлений, а все, чем обладает, все, что случается с ним радостное или скорбное – все обращает во благо своей душе, к пользе ближнего и к славе Божией. Он как бы *не стремится пустить корни* в этом преходящем мире, в известном смысле *отказывается от земного гражданства*, живя на земле как бы по временному виду на жительство, всегда будучи готовым к возвращению в свое небесное Отечество.

Из всего сказанного о небесном призвании человека вовсе не следует, что христианство проповедует космополитизм, равнодушие к родственным чувствам и пр. Соответственно новозаветному миропониманию смысл существования многообразия народов именно в том, чтобы единство этого многообразия осуществилось в Боге. Но именно «**единство в многообразии**». А значит забота об индивидуальности, о национальной самобытности приобретает большой вес, в том числе и в контексте религиозного воспитания.

Христианство – духовная почва европейской культуры. Православное христианство – духовная почва русской культуры. Поэтому воскресная школа при национально-культурном обществе и приходская воскресная школа, обе в своей деятельности могут совмещать культурно-просветительский элемент с религиозным, с той разницей, что последний преобладает в приходской школе, а первый – в школе при национально-культурном обществе.

Говоря о взаимодействии религиозного и культурного воспитания, следует иметь в виду, что одно из следствий кризиса нашей научно-технической цивилизации – это отчуждение (alienation) человека от самого себя. Поэтому религия, приводя к Богу и вводя в Церковь, одновременно приводит человека к себе, помогает ему сохранять самоидентичность, дает возможность для всецелой самореализации. И если религия независимая от национальной культуры все же возможна, то культуры без религиозных корней не существует.

Конечно, нет речи о всеобщем как по свистку обращении (вернее возвращении) в Православие. Но хотя бы проявить разумный интерес к этой основе национальной культуры было бы уместно. А интерес пока проявляется лишь отдельными людьми, причем довольно пассивно. Наблюдается в основном иждивенческое, потребительское отношение к Православной Церкви: *вот вы нас заинтересуйте, сочините нам песенки, устройте культурно-просветительскую программу (поучитесь у сектантов), а мы еще посмотрим, стоит ли с вами связываться.* И в голову этим людям (т.е. большинству традиционно-православных) не приходит, что вовсе не на рынке религиозных услуг они находятся, и что решается не судьба Церкви, ибо по обетованию Спасителя ее «не одолеют врата адовы», но решается **их** судьба и судьба **их детей** – обретут ли они свое истинное достоинство или будут посмешищем...

Православная Церковь – неисчерпаемая сокровищница, но чтобы приобщиться к ее богатству, каждому необходимо самостоятельно проявлять живой интерес, а под лежащий камень, как известно, вода не течет.

Упомянув о роли воскресной православной школы, как формирующей для интеграционного процесса духовную основу, без которой теряются ориентиры для обретения чувства человеческого достоинства, стоит обратить внимание: а что же происходит в обществе – какова государственная политика и каковы стремления среди самих интегрирующихся?

Итак, следующий момент, заслуживающий внимания: интеграция возможна только на прочной **своей** культурной основе. Поэтому, следует учесть, что когда говорят об «интеграции русских в эстонское общество», то в понятие интеграции вкладывается несколько чуждый смысл, потому что **интеграция – процесс двухсторонний**. Красивое слово «интеграция» на деле остается лишь лозунгом, маскирующим фактическую ассимиляцию. Об интеграции только в том случае уместно было бы говорить, если бы существовала и действовала солидная государственная программа, развивающая и поддерживающая духовность и культуру именно тех, кто должен «интегрироваться в эстонское общество». Но такой программы нет. Что касается тех мер, которые предпринимаются в этом направлении, то они либо чересчур незначительны, либо односторонни. Под «односторонними мерами» я имею в виду систему курсов государственного языка. Это замечательно, что они вообще есть. Замечательно и то, что часть денег, затраченных на обучение, возвращают после успешной сдачи экзаменов. Но курсы, во-первых, далеко не всегда ведутся на высоком уровне. Во-вторых, дешево стоят только те курсы, посещение которых обернется зря выброшенными деньгами, а хорошие стоят дорого и не всякий может эту сумму собрать, особенно если это безработный, или работает, но семья живет от зарплаты до зарплаты, еле-еле сводя концы с концами, а если

сюда добавить моральную подавленность, отчаяние и уверенность в бесполезности каких-либо усилий стать полноценным членом современного общества (что нынче свойственно многим так называемым «русскоязычным») – то получается, что курсы эти для избранных, т.е. для тех, кто материально *мало-мальски обеспечен, способен, оптимистичен и настойчив*. Но много ли таких, среди русскоязычного населения? А прочих, кто послабее волей или умом, кто беднее, пессимистичнее, их что – на помойку, на свалку, в отходы?.. Конечно, это проще, нежели продумать систему мер в поддержку тех, кому не по силам заданный режим приспособления к существующим политическим и экономическим реалиям. Я не имею в виду тех, кто может лишь паразитировать на благотворительности, их поддерживать бесполезно. Я говорю о многих из тех, кто способен и расположен развиваться. Сколько таких людей общество теряет... Они либо уезжают, либо не самореализуются профессионально и деградируют во всех отношениях. И, в-третьих, если уж говорить о курсах языка, то даже если бы они были качественнее и дешевле, даже если бы выплачивалось пособие на период обучения, предоставлялся отпуск и сохранялось рабочее место, о чем, разумеется, и мечтать не приходится, все равно это мера половинчатая, и как таковая сама по себе не способствующая интеграции, да и не преследующая эту цель. Владение государственным языком и знакомство с историей и культурой Эстонии – это, безусловно, необходимый элемент в процессе интеграции, но не единственный и даже не основной. Потому что **человек, не утвердившийся в собственной культуре, не устойчивый в понятии о своем человеческом достоинстве, такой человек не может интегрироваться, но лишь ассимилироваться или, наоборот, замыкаться, отгораживаться от любых конструктивных процессов**. Тогда как человек, обладающий чувством собственного достоинства, уважает стремление любого народа к свободе и национальной самобытности, питает интерес к его культуре. Иными словами: **культурный человек предрасположен к интеграции**.

Но что большей частью происходит сегодня в Эстонии? Одни желают ассимилироваться сами, или же насчет себя не надеются, но усиленно создают для этого условия своим детям, отдавая их в эстонские детские сады и школы, другие же не принимают ассимиляции, замыкаясь в некую отчужденную и озлобленную среду. Этому по сути антиинтеграционному расслоению способствует сама тактика, избранная сегодня государством.

Возьмем, к примеру, положение, соответственно которому во всех русских гимназиях к 2007г. не менее 60 % предметов должны преподаваться на государственном языке. Весьма сомнительно, чтобы даже к тому времени учителя при своей нагрузке освоили бы государственный язык в такой степени, чтобы качество преподавания не страдало. Любые предметы, которые будут преподаваться на государственном языке либо хорошими специалистами, но несовершенно владеющими эстонским, либо учителями, единственным достоинством которых является владение государственным языком, эти предметы, ясное дело, будут усваиваться слабо (я уж не говорю о том, что дети и по-русски-то учителя с трудом понимают). Что закономерно приведет к деградации русской школы. Казалось бы, педагоги и в первую очередь руководители школ, могли бы сообща выработать альтернативную программу интеграции для русской школы. Все-таки на местах виднее. Но,

так как администраторы «тоже люди», которые дорожат рабочим местом, никто, насколько мне известно, о грозящей беде не заикается и не ходатайствует перед правительством об изменении тактики в языковой политике. Наоборот, по привычке стремясь «выполнить и перевыполнить», они соревнуются за право внедрять в своих школах «программу погружения» (формирование в русской школе классов, преподавание в которых с 1-го по 12-й велось бы исключительно на эстонском), и уже сегодня вводят преподавание некоторых предметов на государственном языке. Этому способствует не столько давление «сверху», сколько рыночные отношения, в которые оказалась вовлечена и система образования – школы конкурируют, стремясь привлечь наибольшее количество учеников (деньги государство выделяет школе по числу учащихся), а родители предпочитают школы, уделяющие языкам преувеличенное значение.

И какие предметы школы предполагают начинать вести на эстонском языке в первую очередь? Математику или физику – это самоубийство школы. А какие «не жалко»? В некоторых школах уже определились: физкультуру и музыку. Ну, физкультура, ладно. А вот музыка... **Уроки музыки на эстонском – это один из наиболее эффективных шагов на пути культурного обескровливания русской гимназии.** Ведь язык – душа народа. А музыка должна «**подавать слово и истолковывать его**». Какой же еще предмет столь тесно связан с родным языком и питает душу, приобщает ее к сокровищнице родной культуры как музыка? Но именно этот предмет вводят на эстонском языке. А что же душа? А как же достоинство?

Станислав Говорухин как-то произнес такое сочное слово: «быдлоизация». Так вот, насильно человека, разумеется, «быдлом» не сделаешь, но условия создать можно. Да, разумеется, для поступления в высшие учебные заведения музыка значения не имеет и на рейтинг школы это решение не повлияет. Но ведь общество состоит не из специалистов, а из людей! **Музыка – один из немногих предметов гуманитарного цикла, в процессе преподавания которого как раз и возможно приобщение к родной и мировой культуре, через который осуществляется эстетическое воспитание и развивается чувство родной речи, происходит душевное общение, которого нам так сильно не хватает.** Допустимо и уместно ли в русской гимназии этот предмет вести не на русском языке и при этом говорить об интеграции?!

В конце концов, никто не говорит, что ассимилироваться – это смертный грех. Это право свободного человека в свободном обществе. Но когда *искусственно создаются условия*, в которых лишь ассимилировавшиеся имеют шанс удержаться на плаву, остальные же оттесняются на задворки общества – это, по-моему, никак не согласуется с идеями гуманизма и правами человека и *благоприятствует распространению*, простите за резкость, **этно-трансвеститов** – людей не просто решивших мимикрировать и обрезавших всякие культурные корни, но, которые ради убедительности происшедшей метаморфозы, еще и пинают своих единоплеменников.

А при чем тут православная воскресная школа? При том, что именно Православие, сформировавшее русскую культуру, именно Православие, и как религиозный путь, и как мировоззренческая система может послужить незыблемым фундаментом, для **органичного** осуществления интеграции тех, кто себя с Православием идентифицирует. Независимо от

национального происхождения. В воскресных школах русских приходов занимаются и эстонцы. Это встречное движение, которое реально способствует интеграции, разрушая ложные стереотипы, возводя внимание от частных к общей цели, утверждая общечеловеческую основу понятия о национальном достоинстве.

Ведь, говоря о человеческом достоинстве, мы подразумеваем набор признаков, придающих в наших глазах ценность человеку. Говоря о национальном достоинстве – аналогично. С одной лишь маленькой поправкой, или уточнением: если человек идентифицирует себя с каким либо народом, ему обязательно свойственно и чувство национального достоинства. И наоборот, так как народ – лишь часть человечества, то основными ценностями, формирующими национальное достоинство, являются те, которые принято называть «общечеловеческими». Пожалуй, здесь и проходит водораздел между национализмом и патриотизмом: последний пытается спасти, укрепить и развивать национальные особенности на почве общечеловеческих ценностей, тогда как национализм есть попытка любой ценой возвысить приоритет «национальных интересов» или «особенностей национального характера».

Простите за банальность, но русским, эстонцем, или кем бы то ни было еще, может быть только **человек**. Отсюда следует, что **достойным представителем того или иного народа может быть только достойный человек, т.е. человек, соответствующий замыслу своего Творца, отвечающий требованиям общечеловеческих норм в свете Его заповедей.**

А так как задачей православной воскресной школы является просветительская деятельность, направленная на разъяснение сути замысла Божия о человеке, а значит – о человеческом достоинстве, ее успешную деятельность следует рассматривать как необходимое условие действительной, а не мнимой интеграции.